У ТЕБЯ У САМОГО СВОЙ УМЪ.

Козелъ повадился въ огородъ: бывало, какъ только пастухи выгонятъ гуртъ свой, то Васька мой сперва, какъ добрый, идетъ, головой помахиваетъ, бородой потряхиваетъ; а какъ только ребятишки засядутъ въ овражкѣ гдѣ нибудь въ камешки играть, то Васька и отправляется прямо на капусту. Разъ и пошелъ онъ тѣмъ же знакомымъ путемъ, идетъ себѣ да пофыркиваетъ. Въ это время отбилась отъ гурта глупая овца, зашла въ чащу, въ крапиву, да въ лопушникъ; стоитъ, сердечная, да кричитъ, да оглядывается, не найдется ли кто добрый человѣкъ, чтобы вывелъ ее изъ этой бѣды. Увидавши козла, обрадовалась она, какъ родному брату: пойду де–скать хоть за нимъ. Этотъ выведетъ: мнѣ не первина за нимъ итти; у насъ и впереди гурта тожъ козелъ вожакъ идетъ, за нимъ ступай смѣло! Пошла овца

наша, увязавшись за козломъ. Онъ черезъ оврагъ — она черезъ оврагъ; онъ черезъ тынъ — она черезъ тынъ — и попала съ нимъ же въ огородъ. На этотъ разъ огородникъ заглянулъ какъ–то пораньше въ капусту свою, да и увидалъ гостей. Схватилъ онъ хворостину предолгую, да кинулся на незваныхъ. Козелъ, какъ по проворнѣе, успѣлъ перескочить опять черезъ тынъ, мемикнулъ, да и пошелъ себѣ въ чистое поле, а бѣдная овца замоталась, стала кидаться, оробѣвъ, во всѣ стороны, да и попалась. Не пожалѣлъ огородникъ хворостины своей: всю измочалилъ о бѣдную овцу, такъ, что уже она кричитъ не своимъ голосомъ, да помощи нѣтъ ни отъ кого. Наконецъ огородникъ, подумавши про себя: чего добраго, еще убьешь дуру эту, да послѣ хозяинъ привяжется, выгналъ ее въ калитку, и еще–таки на дорогу вытянулъ во всю длину хворостиной.

Пришла овца домой, въ гуртъ, да и плачется на козла; а козелъ говоритъ: а кто велѣлъ тебѣ за мною хвостомъ бѣгать? я пошелъ въ свою голову, такъ мой и отвѣтъ;

коли мужикъ мнѣ отомнетъ бока, такъ я ни на кого плакаться не стану, ни на хозяина, зачѣмъ дьма не кормитъ, ни на пастуха, зачѣмъ–де не приглядѣлъ за мною, а ужъ буду молчать, да терпѣть. А тебя зачѣмъ нелегкая понесла за мною? я тебя не звалъ.

И козелъ, хоть и плутъ, воръ, а правъ въ этомъ дѣлѣ. Смотри всякъ своими глазами, раскидывай своимъ умомъ, да и ступай туда, гдѣ лучше. И унасъ то же бываетъ: одинъ пустится на какой ни есть грѣхъ, а другой, на него глядя, за нимъ же, да послѣ, какъ попадется, и плачется на учителя. А развѣ у тебя у самаго своего ума нѣтъ?

Шило въ мѣшкѣ, а грѣхъ на совѣсти не утаишь.

Солдатъ стоялъ на постоѣ у вдовы скорняка. Вдова перебивалась кое–какъ; мужъ большихъ залишковъ ей не покинулъ, а нашлось рублевъ съ полторы тысячи. Вдова на нихъ и торговала ложками да плошками и кормила свою семейку. Солдатъ нашъ служилъ не первый и не

пятый годъ, и знали его товарищи и начальники какъ хорошаго, и смирнаго и честнаго солдата: стоялъ онъ у вдовы на постоѣ давненько, и она на него не жаловалась, худа отъ него не видала.

Тѣмъ часомъ вдова собиралась ѣхать на ближнюю ярмарку, и всего–то верстъ за пятьдесятъ; собрала деньжонки, что кой–какъ сколотила за полгода, сосчитала ихъ вечеромъ, не таившись отъ постояльца своего, насчитала сотъ семь, положила въ сундучишко, да и стала говорить солдату, что ей купить надо, да на долго ли поѣдетъ, просила за домомъ присмотрѣть безъ нее, да въ свободный часъ и за хозяйствомъ, потому что она, вишь, ему вѣрила, какъ своему; накормила ужиномъ, да и пошла спать.

У этой же вдовы одна дочь была за–мужемъ, и зять, парень не совсѣмъ путный, давно уже приставалъ къ тещѣ, чтобы выдѣлила жену его, дала бы что причтется отцовскаго наслѣдья; а вдова не хотѣла; «поколѣ, говоритъ, деньжонки у меня въ рукахъ будутъ, такъ они цѣлы, да еще и по

маленьку прибываютъ; добро ваше не пропадетъ, дѣтей вашихъ, коли Богъ дастъ, одѣвать и обувать буду, а денегъ вамъ не дамъ; вы и меня и семью мою разорите, а сами не наживетесь; дочь моя мужа въ рукахъ держать не умѣетъ, а онъ любитъ погулять, такъ толку изъ этого выйдетъ не много.» Зять наканунѣ поссорился съ тещею, да еще съ–похмѣлья пригрозилъ; а проспался, такъ, можетъ статься, и забылъ что говорилъ и сердце прошло. Теща, осердившись на зятя, сказывала при стороннихъ людяхъ, что вотъ–де какой у меня зять: и грозитъ и шумитъ, — коли обокрадутъ меня, люди добрые, либо, упаси Господи, убьютъ, — такъ уже знайте, что некому больше, какъ зятю!

Нашего солдата, который дожилъ до 35 годовъ безъ всякаго большаго грѣха и худаго дѣла, одолѣла грѣшная дума, да не покидала во всю ночь: украду–де у хозяйки деньги, да подальше запрячу, — на меня ни кто и не подумаетъ, не скажетъ; сама хозяйка отвела весь отвѣтъ и поклепъ на зятя, а я буду въ сторонѣ.

Такъ и сдѣлалъ. Хозяйка встала чуть свѣтъ, да пошла выгнать корову; солдатъ нашъ чистился объ эту пору, собирался въ караулъ; не успѣла выйдти за ворота, какъ онъ отбилъ замокъ у сундука, деньги вынулъ, а сундучокъ отнесъ да закинулъ въ пустую баню, на задахъ у зятя; а самъ пошелъ, будто за какимъ дѣломъ, къ одному, да къ другому товарищу, которые также стояли по квартирамъ, и воротился домой, когда уже воротилась хозяйка, и спохватилась сундучка. Туда, сюда — стали разбирать, спросили хозяйку: на кого думаешь, на кого у тебя подозрѣніе, не солдатъ ли? Она говоритъ: нѣтъ; упаси меня Богъ отъ поклепа да напраслины: на солдата своего не думаю, а не кому больше украсть, какъ зятю. Стали искать, нашли у зятя въ банѣ разбитый сундучишко; принялись за молодца, посадили въ острогъ, затаскали по судамъ, держали, держали — тамъ онъ гдѣ–то и померъ, бѣднякъ, и жену молодую покинулъ на сносахъ; родила уже безъ него, какъ овдовѣла.

Солдатъ нашъ молчитъ; ни тутъ, ни тамъ, ни гдѣ на него нѣтъ наговору, никто и не догадывается; ходитъ себѣ чистъ, да правъ, словно мы съ тобой. Однако, какъ поглядитъ онъ на молодую бабенку, что осталась одна–одной на бѣломъ свѣтѣ, поглядитъ ину–пору на малаго ребенка, чтъ родился на свѣтъ сиротою, безъ отца, какъ поглядитъ еще и на старую хозяйку свою, которая со дня на день стала разоряться, когда украли у нее послѣднее, что было и чѣмъ торговала, добывала себѣ хлѣбъ — да какъ вспомянетъ еще къ этому, что онъ всему виной и причиной, — такъ тяжело ему становится на сердцѣ, словно камень лежитъ на груди. Бился онъ долго, терпѣлъ, перемогался, хворалъ, не спалъ по ночамъ, а заснетъ, такъ мечется, да охаетъ, да бредитъ вслухъ: — «нѣтъ мочи совсѣмъ, хоть утопиться»; только и забудетъ горе, какъ достанетъ синенькую, да напьется — а ужъ онъ сталъ и пить, чего прежде за нимъ не бывало никогда; отляжетъ тоска поколѣ хмѣленъ, а послѣ и приступитъ опять, да пуще прежняго.

Такъ сидѣлъ разъ вечеркомъ солдатъ нашъ за воротами, накинувъ шинель на плеча, да накрывши лацканомъ и лицо и глаза, словно разломило головушку, и думалъ думу, про бѣду да горе свое, что разорилъ онъ старую хозяйку свою, отъ которой опричь добра не видалъ ничего; сгубилъ занапрасно зятя ея, да пустилъ двухъ сиротъ поміру. Въ это время подошелъ къ нему однокашникъ и землякъ его, присѣлъ рядомъ, да и началъ его разспрашивать: что–де ты, Касьяновъ, не веселъ больно? боленъ не боленъ, а въ себѣ не воленъ; что съ тобой сталось, говори?

Касьяновъ поднялъ голову, поглядѣлъ на товарища, да вздохнулъ: «Такъ, что–то сердце болитъ.»

«А съ чего жъ оно у тебя стало болѣть, Косьяновъ? Прежде — а я тебя, слава Богу, годовъ съ двадцать знаю, зналъ еще и до службы царской, — прежде за тобой этого не бывало, какъ не бывало и грѣха; а нынѣ…»

«Молчи, не говори вслухъ, сказалъ, испугавшись, Касьяновъ, молчи, люди услышатъ.»

«Что ты, Господь съ тобою, началъ опять товарищъ, да ништо мы съ тобой отъ людей таимся, что ли?» — Поглядитъ на Касьянова, а у него слезы градомъ и полились. — «Послушай, сказалъ ему товарищъ, покайся хоть на духу; а ты сдѣлалъ худое дѣло. Сердце въ тебѣ ноетъ отъ того, что грызетъ тебя совѣсть. Ты, Касьяновъ сталъ нынѣ погуливать, чего за тобою отродясь не бывало, а деньжонокъ залишнихъ у тебя нѣтъ; гдѣ ты взялъ ихъ? Это что–нибудь да не ладно. Вотъ съ чего у тебя и сердце болитъ, да вотъ съ чего и не спится, да и заснешь, такъ мелешь не знать что, да еще и проговариваешься; ты намѣдни, какъ мы съ тобой въ караулѣ стояли, что говорилъ заснувши?»

«А что я говорилъ?» спросилъ, испугавшись, Касьяновъ.

«Ну, отвѣчалъ тотъ, тамъ ужъ чтъ ни говорилъ, да говорилъ; ты знаешь, что я обманывать тебя не стану. А слышали,

можетъ статься, и ребята; того и гляди, что перескажутъ одинъ другому, и не ладно будетъ. Господь съ тобою, Касьяновъ, я не начальникъ тебѣ, я не духовникъ; а покайся самъ отъ себя, поколѣ люди не дознались, а то погубишь ты свою душу.»

Касьяновъ заплакалъ да и признался земляку своему во всемъ; тотъ сперва не хотѣлъ–было и слушать. «Не говори мнѣ, а поди, либо скажи ротному командиру, либо попу, а мнѣ не говори»; да Касьяновъ не пустилъ его, а велѣлъ сидѣть, да слушать. «Я деньги укралъ у Селиверстовой, а ларецъ закинулъ въ баню къ зятю; я и душу его сгубилъ тѣмъ и разорилъ двѣ семьи!»

«Не боишься ты Бога» молвилъ товарищъ его — не боишься Бога и не чаешь умереть! и чтѣ жъ тебѣ пути и проку въ деньжонкахъ этихъ? Научился пьянствовать, чего прежде и не зналъ, да вотъ отбило тебя ото сна, отъ ѣды, да покоробило, словно отъ лихой болѣсти — только и есть! чтѣ тебѣ въ нихъ радости! Всѣ что ли прогулялъ?»

«Нѣтъ, отвѣчалъ Касьяновъ, больше сотни не прогулялъ; а тѣ цѣлы всѣ.»

«Гдѣ же они у тебя лежатъ?»

«На гауптвахтѣ, подлѣ печи, повыше наръ, есть въ бревнѣ гнилой сукъ и дуплина: туда я ихъ засунулъ, да приткнулъ, опять мохомъ.»

«Чтъ же ты теперь думаешь, какъ быть?»

«Ничего я, братъ, не знаю, и ума не приложу; видно, пойду, да утоплюсь.»

«Нѣтъ, Касьяновъ, то худо ты выдумалъ, а это и похуже того. Пожалуй, утопиться не долго, — какъ вотъ не долго было тебѣ и тысячу рублевъ украсть, да послѣ чтъ будетъ? Кого обидѣлъ ты на этомъ свѣтѣ, тому и отъ смерти твоей легче не будетъ; а души своей, хоть жерновъ на шею себѣ навяжи, не утопишь; какъ выйдешь ты на страшный судъ, такъ тебя лицемъ къ лицу, на очную ставку и поставятъ съ тѣми, кого здѣсь погубилъ, кого обижалъ, кого обворовалъ.»

«Какъ же быть, братъ»? спросилъ Касьяновъ, и опять заплакалъ; «какъ быть, дай ума!»

«Думай, да гадай ты сколько хочешь, сказалъ опять товарищъ его, Воропаевъ, а не миновать тебѣ, что признаться ротному; пусть доложитъ полковнику, да проси, чтобъ помиловали, чтобы покончили да порѣшили своимъ судомъ, а деньги–молъ почитай всѣ цѣлы, и съ Селиверстовой–де раздѣлаешься и поладишь, что просить не станетъ.»

Касьяновъ подумалъ — да такъ и сдѣлалъ; за добровольное признанiе его помиловали, подъ судъ не отдавали, наказали своимъ судомъ, а вдова рада, рада была, что воротила большую половину денегъ — и просить дальше не думала.

«Ну что» спросилъ Воропаевъ Касьянова, когда тотъ, покончилъ все и отдохнулъ уже послѣ наказанiя — «ну, что, легчель на сердцѣ теперь?»

«Легко, братъ Воропаевъ, Господь тебя надоумилъ да послалъ — я бы утопился.»

«И что же, спросилъ опять Воропаевъ, и ты какъ думаешь, теперь кончено все и хлопотать намъ не о чемъ?»

«Конечно все; чего же еще? деньги отнесъ, сто рублей только не хватаетъ; побить, побили — да это не бѣда; впередъ не попутаетъ меня сатана, не соблазнитъ!»

«Нѣтъ, братъ, не кончено», сказалъ Воропаевъ. «Пойдемъ–ка со мной.» И привелъ его ко вдовѣ, которая жила теперь опять вмѣстѣ съ дочерью, и жила почитай однимъ только огородишкомъ. — «Вотъ, тетушка, сказалъ онъ ей, пришли къ тебѣ два работника, въ кабалу: недобрый человѣкъ, что укралъ у тебя деньги, покаялся, какъ знаешь (а она не знала, кто укралъ, знала только, что нашли деньги), покаялся, отдалъ тебѣ что было денегъ, да вотъ еще насъ двоихъ нанялъ, чтобы цѣлое лѣто, когда не на службѣ, работали у тебя, что заставишь, въ огородѣ.»

«Дай же ему Богъ спасеніе душц» сказала старуха; «хоть онъ и обокралъ–было меня, да и вамъ спасибо! А работа вамъ найдется: надо гряды копать, надо

садить, да разсаживать — спасибо вамъ, спасибо и ему.

До чего доводитъ авось да небось.

Когда мы стояли съ полкомъ во Владимірской губерніи, да и вся дивизія наша, правда, стояла тутъ же, во Владимірской, такъ было въ 3–й карабинерной ротѣ два солдата, которыхъ ребята звали близнецами. Были они не братья, не земляки, одинъ тамбовскій, другой воронежскій, а оба одного росту, однихъ статей, оба изъ себя молодцы, оба Иваны, и похожи одинъ на другаго какъ нельзя больше. Одного, тамбовскаго, звали Кириловымъ, а другаго, воронежскаго, Гавриловымъ; а свои ребята, бывало, не зовутъ ихъ иначе, какъ близнецъ Кирило, да близнецъ Гаврило.

Близнецы наши были ребята смирные, хорошіе; на службѣ, правда, хоть и не такъ давно, всего годовъ съ пятокъ были, однако никакого худа за ними ни кто не видалъ; только были они ребята простые, и ума въ нихъ не палата. Жили они промежъ собою

дружно, словно братья, и гдѣ одинъ, тамъ, бывало, и другой: а коли одинъ пришелъ, а другаго нѣтъ, такъ уже такъ и знай, что тотъ либо въ караулѣ, либо гдѣ на службѣ. Пришли праздники, Свѣтлое Христово Воскресеніе, и пошли они, близнецы, пройтись по селу и посмотрѣть на качели, гдѣ народу сошлось много и собрались дѣвки со всего села; а село было большое и людное. Долго ли, коротко ли близнецы наши походили тутъ, посмѣялись да повеселились, какъ поднесъ имъ товарищъ свой по рюмкѣ — они было отговаривались, да ради праздника выпили; тамъ и сами его почестили, да ради праздника выпили по другой, а можетъ, и по третьей. Ихъ съ непривычки маленько и разобрало, повеселѣли, глядятъ смѣючись на весь бѣлый свѣтъ, обнимаются да цѣлуются, ради пресвѣтлаго праздника, то промежъ собой, вдвоемъ, то съ другими ребятами, либо съ мужиками, дѣвками да бабами. Веселѣй да веселѣй, однако день ушелъ; настала и ночь, пошли солдаты по дворамъ, на перекличку — пошли и близнецы наши,

да послѣ всего, какъ не спалось еще имъ сошлись опять за воротами, сѣли, да стали говорить, по–братски, о всякой всячинѣ.

Слово за словомъ, близнецъ Кирило и признаются близнецу Гаврилѣ, что ему больно полюбилась дѣвка одна, вотъ–де такая–то, и что солдатскому сердцу его тоскливо жить безъ нее на свѣтѣ — надо бы то да сё, а пуще всего, что надо бы подарить ее чѣмъ нибудь на праздники, да и отца и мать, чтобы задобрить ихъ, да денегъ нѣту, и негдѣ достать.

«Да вотъ, говоритъ Гаврило, я давно было ужъ хотѣлъ тебѣ сказать — не знаю какъ ты разсудишь, а мнѣ хозяинъ мой сулитъ за даромъ много деньжонокъ — да боюсь я, чтобы не было чего.»

«Какъ такъ, спросилъ Кирило, какъ задаромъ?»

«Да онъ, видишь ли, проситъ достать ему сколько–нибудь, хоть сотенку, красными либо синенькими, а отдать хочетъ тутъ же, не продержавъ ни годинка, за десять красныхъ пять сотенныхъ

ассигнацій, а за пять красныхъ двѣ сотни съ половиною.»

«Эка, парень, чтожъ — ему не ужтожъ онъ ни гдѣ не размѣняетъ, что этакой промѣнъ платитъ?»

«Кто его знаетъ; то–то и я, видишь, побаиваюсь; а вѣдь можно бы разбогатѣть съ разу — да не отгадаешь напередъ, братъ, чтобъ не было худа.»

«Такъ за сто рублевъ пятьсотъ сулитъ? Эка, подумаешь, кабы достать сотенку.... что за худо! Авось да небось — все пройдетъ! Послушай, братъ, я пойду схожу къ земляку, что у поручика нашего въ денщикахъ — чай на одинъ часъ достанетъ сотенку, вѣдь за–разъ и отдадимъ, какъ думаешь?»

«Да коли бъ досталъ, такъ бы ладно: возьмемъ по полторы сотни себѣ, да сотню ему отдадимъ, за труды; ась? ступай–ка братъ — авось!»

Теперь надо сказать, какія деньги мужикъ сулилъ нашимъ близнецамъ. Въ тѣ поры въ Казани появился монетчикъ какой–то, что поддѣлывалъ государевы

ассигнаціи и спускалъ ихъ больше плотникамъ, которые приходятъ въ Казань что годъ изъ русскихъ губерній, а больше изъ Владимірской, и спускалъ такъ, что, бывало заманитъ, подпоитъ, да и подговоритъ размѣнять заработныя деньжонки свои на поддѣльныя, фальшивыя, и давалъ сотъ по пяти и больше за сотню настоящихъ. Мужики наши навезли денегъ много — да ужъ и сами побаиваются, не знаютъ какъ сбыть ихъ; въ городѣ, и въ лавкахъ, и на рынкѣ, стали подмѣчать уже что ходятъ недобрыя ассигнаціи, а начальство стерегло, чтобы кого поймать. Кто жилъ изъ мужиковъ въ Казани по 300 рублей за лѣто, глядишь, воротится на зиму домой, да принесетъ рублевъ съ тысячу. Люди дивуются, что за притча такая, отколѣ у нихъ деньги берутся? — а они мѣняютъ ихъ на фальшивыя, да и думаютъ, что богаты стали. Одолѣла ихъ, видишь, дурь, глупость мужицкая, да подбила корысть: они, такъ же, какъ и близнецы наши, авось да небось — да и пустились на такое дѣло,

которое погубитъ всякаго, кто съ нимъ свяжется.

Близнецы наши подговорили денщика, достали у него съ сотню, размѣняли на пятьсотъ и подѣлились втроемъ. Деньщикъ деньги положилъ опять на мѣсто, и все бы казалось и шито и крыто — близнецы погуливаютъ, задарили дѣвокъ платочками да лентами — денегъ у нихъ больше нѣтъ, и стали они уже думать какъ бы достать еще, потому–что ужъ извѣстное дѣло, кто за худымъ пойдетъ, кто на худое пустится, тотъ однимъ худымъ дѣломъ не покончитъ, а пойдетъ впередъ, за другимъ и третьимъ — стали они опять думать, какъ бы достать денегъ, первая–де попытка сошла съ рукъ, авось и въ другой разъ будетъ тоже — анъ объ эту пору мужикъ, хозяинъ нашего близнеца Кирилы, попался съ ассигнаціями своими; заковали его, стали допрашивать, онъ и показалъ на всѣхъ, кому спускалъ ихъ, да показалъ и на близнецовъ. Что жъ изо всего этого вышло? и близнецы, оба, и денщикъ поручика, всѣ пропали за этой бѣдой; судились военнымъ

судомъ, подпали подъ штрафъ, наказаніе было не малое, потому–что вина большая — и много ли было имъ радости отъ этого худаго дѣла? размотали деньги въ одну праздничную недѣлю, погуляли, помотали — а плакали вѣкъ.

Слушай, ребята: близнецы мои были, какъ и сказалъ я сначала, не такіе парни, чтобы все худое у нихъ на умѣ было; жили и служили они до поры, до времени хорошо, да попутало ихъ *авось* да *небось*, а ума въ головѣ не стало разсудить, какой этому будетъ конецъ; одинъ повѣрилъ мужику, тотъ повѣрилъ другому, другой третьему, да глупымъ разумомъ и разсудили, что *авось* да *небось* русскаго солдата не выдастъ. Нѣтъ, ребята, грѣхъ безъ кары не живетъ: не накажетъ тебя Государь, такъ грызть будетъ совѣсть, да отвѣтъ дашь на страшномъ судѣ. *Авось* да *небось* не выдастъ русскаго солдата въ чистомъ полѣ, гдѣ штыкъ на штыкъ и грудь на грудь напираетъ — тамъ неб*ось*, тамъ и ав*ось*: Господь Богъ по тебѣ, Государь по тебѣ, и не страшно; а гдѣ пошелъ противъ

Бога и Великаго Государя — тамъ не отведешь грозы, бѣды не минуешь! Отецъ и Государь тебѣ первый судья на этомъ свѣтѣ — Господь на томъ; судья милосердый, праведный, но строгій: отъ обоихъ не уйдешь: либо здѣсь, либо тамъ, а на расправу потянутъ. Что же, тебя нешто станетъ на то, чтобы пойти тутъ противъ Государя, а тамъ противъ Бога? Ты червь, былинка; выслужись вѣрой и правдой, окупи душу свою, скажись самъ человѣкомъ — будетъ тебѣ почетъ и здѣсь и тамъ; а коли житья тебѣ нѣтъ ни на этомъ свѣтѣ, ни на томъ, такъ куда же ты дѣнешься и съ головой своею, что станешь дѣлать?

В.ДАЛЬ